

нальные герои. Сейчас мы этого не видим, в том числе и потому, что герои у нас постоянно меняются. Герой очень быстро делается антигероем, и наоборот. Это происходит не только на властном уровне, но и на уровне общества. Соглашусь с теми, кто утверждает, что наше общество расколото. Для кого-то в наши дни герой Иоанн Грозный, для кого-то — князь Андрей Курбский, для кого-то — Г. К. Жуков, а для кого-то — А. А. Власов; есть те, кто добивается канонизации Г. Е. Распутина, а есть те, кто не согласен с канонизацией Николая II, и т. д., продолжать можно до бесконечности» (Репников А. В. О нравственной функции гуманитарных наук. С. 95).

26. Яковенко И. История в общекультурном контексте: проблемы бытования форм исторического сознания // Нева. 2010. № 7. С. 101.

А. В. Крейцер

МЕТОДОЛОГИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ: ПЕТЕРБУРГСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Изучая биографию Н. П. Анциферова и тему его работы в послереволюционные годы во 2-м Петроградском Педагогическом институте, позже — Петроградском педагогическом институте им. Н. А. Некрасова, ликвидированном в середине 1923 г., после чего его студенты были переведены в Педагогический институт им. А. И. Герцена, я столкнулся с любопытными наименованиями кафедр истории и литературы на гуманитарном факультете этого вуза, до революции называвшегося Петроградский учительский институт. Исторические кафедры института, где работал Н. П. Анциферов, имели названия: истории всеобщей древней, истории всеобщей средней, истории всеобщей новой. Существовала кафедра всеобщей литературы. Анциферов был преподавателем всеобщей истории. В Педагогическом институте им. Н. А. Некрасова он читал, помимо прочего, «Введение в историю» и вел практические занятия по всеобщей истории [1].

Известно: в настоящее время единственным учебным заведением в городе, где действует общая кафедра всеобщей истории, а не общепринятые кафедры древней, средневековой, новой и пр. истории, является Герценовский университет, в чем проявляет себя преемственность 2-го Педагогического и нашего вуза. Кафедра всеобщей истории в Педагогическом институте им. А. И. Герцена была создана на историческом факультете (предшественнике нынешнего факультета социальных наук) в 1958 г., т. е. в период «оттепели», тогда как сам факультет был образован в 1934 г.

Но вернемся в послереволюционную эпоху. Декрет о преобразовании Учительского института в высшее педагогическое учебное заведение с наименованием его «2-й Петроградский Высший Педагогический Институт» подписывается Коллегией Комиссариата народного просвещения в январе 1919 г. Значительная часть прежних преподавателей остается в штате. Но в институт пришло много новых сотрудников, в том числе совмещавших работу в нем с преподаванием в Петроградском университете. Программы 2-го Педагогического были университетскими. И названия кафедр — тоже.

Весной 1918 г. Л. П. Карсавин, как и Н. П. Анциферов, — ученик профессора И. М. Гревса и участник его знаменитых средневековых «семинариев», был утвержден в качестве экстраординарного профессора всеобщей истории в Петроградском университете. Лев Платонович Карсавин имел концепцию «всеобщей», т. е., согласно современной терминологии, «тотальной», системной истории, предметом изучения которой являются социальная практика человека во всей ее полноте и разнообразии и выраженная в ней и

через нее духовная жизнь («психическая ткань исторического прошлого»), а инструментом познания — социокультурный синтез [2]. Появление «всеобщей истории» во многом было следствием развития русской исторической науки к началу XX века. Это развитие было искусственно приостановлено уже в конце 20-х гг. страшного столетия.

И Анциферов, и Карсавин учились на историко-филологическом факультете Петербургского университета, слушая лекции А. С. Лаппо-Данилевского, который придавал решающее значение в воздействии на среду активной творческой личности и полемизировал с учениями, сводившими социальные процессы к стихийным. Этот мыслитель закладывал методологические основания отечественной исторической науки, используя понятия немецкой философской школы неокантианства. Согласно Лаппо-Данилевскому, теория исторического знания может быть построена с двух точек зрения: номотетической и идеографической. Номотетическая стратегия стремится к «полаганию» и построению законов, выявлению закономерностей, а идиографическая — к описанию индивидуальных фактов, выявлению способов организации неповторяющихся, специфических явлений. Лаппо-Данилевский излагал эти методологические положения, опираясь на Г. Риккерта и неокантианцев. Но О. М. Медушевская пишет: «В своем труде “Методология истории” (1910–1913) Лаппо-Данилевский показал, что оба... подхода сосуществуют по отношению к историческому процессу, начиная с античности и до современности. Обращение к этой теме дало повод считать ученого приверженцем неокантианской философии... Однако это неверно, поскольку для неокантианства характерно противопоставление двух подходов: в естественных науках — номотетического, в науках о культуре — идеографического. Лаппо-Данилевский, напротив, доказывал, что оба подхода могут применяться в науках о культуре, равно как и в науках о природе. Оптимальным ученый считал применение к изучаемым объектам обоих подходов, позволяющих выявлять общее и специфическое в истории» [3]. Русский ученый делал шаг вперед, синтезируя оба подхода для достижения «типологического». Лаппо-Данилевский относил тип к понятиям ментального плана и пояснял его в таких выражениях, как, например, «типический образ» или «общее представление». Но типический образ Лаппо-Данилевского весьма далек от понятия типического Ф. Энгельса, у которого реализм подразумевает, кроме правдивости деталей, верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах. А именно на классиков марксизма опирается понимание типического как отказа от индивидуальных, своеобразных черт жизненного явления в официальном советском литературоведении. Типическое для русского историка есть выражение общего в частном, в индивидуальном. В этом заключается открытие Лаппо-Данилевского, который при типологизации избежал абстрагирования историка-номотетика и дробления истории на сингулярные и несвязанные происшествия, характерного для историка-идеографа [4]. Историческая идеография Лаппо-Данилевского, «сосредоточиваясь на единичном явлении, с собственным именем, отмеченным топографически и хронологически, рассматривала его в перспективе целого — как самостоятельное целое и как его часть» [5].

Предмет источниковедения ученый видел в изучении продуктов психической деятельности человека, какими являются все исторические источники. Работа над историческим документом заранее предполагала: будут выявлены его индивидуальные черты и особенности, обусловленные своеобразием личности создателя [6]. Причем осознавалась неспособность исследователя достигнуть полной тождественности своего сознания и сознания автора документа. Проблему можно решить, если историк оказывается способным через психологическое «уподобление» и «сопереживание» перенестись на место события в прошлом, сделать себя его участником, что позволяет хотя бы отчасти рекон-

струировать психологическую природу момента создания документа. Лаппо-Данилевский осознавал: результатом подобной реконструкции личности творца документа и истории создания источника станет лишь «осторожная аналогия» [7] между собственным пониманием и истинным состоянием участника исторического события. Но все же мыслитель был уверен: «Историк занимается научным построением действительности; значит, он должен установить, что переживаемое им представление о чужой одушевленности есть вместе с тем воспроизведение реально данной одушевленности той именно индивидуальности, которой он приписывает известные действия или в зависимости от которой он изучает данный исторический факт» [8].

То, что писал Лаппо-Данилевский о необходимости преодоления неспособности исследователя достигнуть тождественности своего сознания и сознания автора документа, не просто благое пожелание. И воссоздать психическое состояние человека прошлого, идентифицировав себя с ним, действительно, можно. Крупнейший современный исследователь западноевропейского средневековья А. Я. Гуревич откровенно рассказывает: «Позволю себе признание личного свойства: на каком-то этапе работы я, разбирая вопрос о личности на средневековом Западе, испытал потребность написать некий автобиографический этюд... Материал, возможности проникновения в него и его осмысления кажутся несопоставимыми, и вместе с тем такого рода переключка не вовсе лишена смысла. Прежде всего мне стало более ясным, что сюжет книги порожден не одним только интересом к средневековой культуре и поисками соответствующих данных в исторических источниках, но и размышлениями над самим собой. Я убедился в том, что тема “средневековый индивид” не просто логично вытекает из всех предшествующих моих исканий историка, но связана с интимной психологической основой моей исследовательской работы» [9]. Но далее: «...память для человека той эпохи, с ее особыми ритмами, длительностями и замедлениями, была чем-то иным, нежели для нас, людей Нового времени. То, что произошло некогда с монахом или другим клириком, — а именно таковыми были большинство авторов средневековых “мемуаров”, — очевидно, не принадлежало одному только прошлому. Этот эпизод, будь он действительным фактом его жизни или заимствованием из какого-то литературного текста, продолжал существовать в некоем надвременном состоянии: он длился во времени и способствовал организации личного опыта... Иными словами, сочинитель автобиографии или исповеди оперировал временными категориями, существенно отличавшимися от привычных нам. Время не только движется, но и стоит на месте, возвращается вспять и соприкасается с вечностью» [10]. Каким же образом Гуревич в ходе исследования может отождествить себя с человеком средневековья, если он другой? Дело в том, что средневековое, статическое, сознание никуда не исчезло. Оно осталось в нас несмотря на то, что этому сознанию пришло на смену другое — более динамичное, причинно-следственное. Точно так же продолжают соседствовать разновременные культуры в рамках одной цивилизации или границах одного и того же города.

На помощь в реконструкции обстоятельств создания отдаленного во времени документа приходил технический момент исторического знания. Замысел автора, постигнутый психологически, перепроверялся через установление места, времени и техники производства документа, путем возведения его к конкретному пространственно-временному историческому типу. И тогда индивидуальный замысел восходил к общему, оказывался частью определенной культуры. При этом сохранялась представление о частных особенностях источника, ибо основой анализа оставалась уникальная личность создателя. Так созидалось понимание процессов, ведущих к постижению принципов всеобщей истории.

Опробованный И. М. Гревсом и его учениками «локально-исторический метод» был одной из разновидностей исторической методологии Лаппо-Данилевского. В семинариях Гревса к документам истории относили также литературно-художественные источники. Но, самое главное, историк должен был увидеть местность, голос которой звучит в источнике, чтобы преодолеть естественную преграду времени и возможные ошибки собственного воображения. Приобщение к прошлому Н. П. Анциферова как в годы ученичества, так и в ходе участия в краеведческом движении 20-х гг., происходило через восприятие современной действительности, ибо настоящее включает в себя былое [11]. В Экскурсионном институте Анциферов вел, в частности, курс методики истории.

Л. П. Карсавин утверждал в письме И. М. Гревсу из Италии очень близкое тому, о чем не раз говорил Анциферов в ходе своих краеведческих изысканий: «Мне бросилось в глаза — более, чем прежде, характерность жизни этих улиц; невольно казалось, что так жил центр в далекое время, и что современные люди и нравы не уничтожили, а только оттеснили на край прежних обитателей. Конечно, опасны такие обобщения, но ведь должно же что-нибудь остаться от нравов, как осталось от зданий, и потом, если нет других путей, поневоле хочешь соединить Дино с современными сценами...» [12]. Или в другом месте: «Стараешься по этим ландшафтам с соответствующими изменениями воссоздать мысленно прежние еще не столь окультуренные окрестности Тосканы и вспоминаешь то, что читал у Дино... проезжая мимо этого поля...» [13]. Как справедливо подчеркивают А. К. Клементьев и С. А. Клементьева, такие идеи о взаимосвязи прошлого и настоящего, проявляющей себя на уровне повседневной жизни, материальной культуры, жестов и т. п., пронизывают в итальянских письмах Карсавина Гревсу и размышления об искусстве, и заметки об уличных сценках, имея своей почвой отнюдь не чрезмерно развитое воображение, но вполне сложившееся видение историко-культурного процесса, сформулированное этим ученым и философом позже, в частности в «Философии истории» [14]. «Мы не наблюдаем — пишет он в этой работе — катастрофической смены культур друг другом... Напротив, полное исчезновение какой-нибудь культуры — явление чрезвычайно редкое, а может быть, и небывалое. Каждая, после своей видимой гибели, переживает себя в том, что связано с ее вещественными остатками, в ее традициях, продолжающих свое существование в лоне других культур, в их памяти-знании о ней. Для исторического процесса характерно сосуществование ряда культур, иногда в полном расцвете, не только их смене» [15]. Думается, в этих словах заложены некоторые основные принципы всеобщей истории.

Следует учитывать также следующее. Русский религиозный философ Лев Платонович Карсавин завершил формирование новой методологии истории, сказав то, что не договорила Лаппо-Данилевский с Гревсом и их ученик Анциферов, а именно: постижение всеобщих основ истории невозможно без понимания того, что движение истории направляется божественной бесконечностью.

* * *

Карсавинская философия истории несомненно применима к истории развития русского и мирового города, с которой связана научная и общественная деятельность Анциферова после революции. В городской цивилизации со всей очевидностью наблюдается «сосуществование ряда культур», о котором говорил Карсавин. Анциферов неоднократно писал о живом «нечеловеческом существе» города, имеющем свое развитие. В ходе его и возникает сосуществование сменяющихся городских культур. И помогать проник-

новению в утраченную культуру, на первый взгляд, может посещение «места», локуса, где еще ощутимо присутствие прежнего духа. Это зачастую, как и в цитированном выше письме Карсавина Гревсу из Италии, городская окраина.

Совсем недавно мне довелось побывать на границе двух сменяющих друг друга культур в Петербурге.

Окраина. Точнее бывшая петербургская окраина, сохранившая, однако, некоторые свои окраинные черты. Левый берег Невы. Невская застава. Район улицы Цимбалына, Варфоломеевской, Железнодорожного проспекта, железнодорожной станции «Фарфоровская» Московской железной дороги. Здесь в старых кирпичных зданиях по Варфоломеевской 15 и 15а размещается петербургский филиал Центрального государственного архива. Этому счастливому обстоятельству я и обязан знакомству с «местом». А место, когда я погрузился в его атмосферу, оставило какое-то странное, хотя и не совсем безысходное чувство. Это была атмосфера, чем-то напоминающая воссозданную в тех сценах «Сталкера» Андрея Тарковского, в которых герои отправляются в «зону» от полуразрушенных вокзала и железнодорожной станции. Старые каменные, а иногда деревянные двух— и трехэтажные дома, часто, хотя и не всегда покинутые, обшарпанные и разрушающиеся — порой с пустыми глазницами, — соседствующие с хрущевскими панельными пятиэтажками, тоже «не в лучшем виде». Краснокирпичные старинные фабрично-заводские здания. Какие-то протяжные звуки, то ли электрички, то ли ржавый свист башенных кранов, почему-то возвышающихся здесь, кажется, с незапамятных времен. Беспорядочное нагромождение вагонов на железнодорожной станции. Дым фабричных труб. И смог, соединенный с сырым мартовским воздухом так, что трудно дышать, не кашляя... А по адресу Цимбалына, 58 за высоким каменным забором находится «Цимбалынская больница» — детская инфекционная, основанная врачом, фамилия которого дала название улице и больнице. Это комплекс зданий постройки рубежа XIX и XX вв. Но как могут дышать здесь дети, непонятно. Улица на значительных своих участках являет собой бетонный или потемневший белокирпичный забор с пробоинами, за которым из земли торчат какие-то шпалы и куски арматуры. Людей почти нет. Изредка увидишь одного пешехода или двух. Машин тоже почти не видно. Их поток нарастает только к вечеру. Полное ощущение некоего конца — города — и таинственного конца какой-то утрачиваемой цивилизации, а в конечном итоге — конца как всеохватной смерти. Но смерти, через которую, как я особенно ощутил во время своих последующих посещений этого места, смотрит жизнь. Улица Цимбалына переходит в путепровод — старый клепаный металлический мост, нависший над железнодорожным полотном. Когда смотришь вниз на пролетающую под тобой электричку, начинаешь оживать, словно вырываешься из тисков смерти. А сходя с путепровода, обнаруживаешь, что на фоне очередного почерневшего покинутого старого здания с дырами вместо глаз возникает перед тобой новый, сияющий светом образ. Хотя это всего-навсего Купчино. Остановка автобуса после схода с путепровода называется «Софийская улица». Но надоевшие любому жителю спальных районов многоэтажки брежневских времен являют собой абсолютно новый по сравнению с только что покинутым мир. Он наполнен светом сероватых, но под мартовским солнцем сверкающих белизной панельных домов, и... людьми, которых здесь очень много. Там, где окончилась одна культура, ей на смену пришла другая. Город не умер. И подобных воскресений «на стыке» Петербург знает очень много. Видимо из-за того, что рядом пребывает воскресение, атмосфера в пограничной «зоне» Цимбалынской–Варфоломеевской улиц уже изначально не казалась мне абсолютно безысходной. Интересно: название Варфоломеевская было дано улице в начале XX в. по

фамилии почетного гражданина Варфоломеева, имевшего дом поблизости. В 1976 г. название улицы было официально упразднено, но решение выполнено не было — адреса по Варфоломеевской сохранялись. Лишь в 1999 г. упразднение отменили. Получается: улица долгое время и существовала, и не существовала. Так и должно, наверное, было быть в пограничной зоне стыка разных культур. А ведь когда-то на этой местности располагались сначала (в XV в.) деревня Виллола, или же Вилуево, затем в XVIII и XIX вв. деревня Покровское-Муравьево, принадлежавшая Муравьевым (старое название улицы Цимбалына, упраздненное только в 1938 г., — Муравьевский переулок), и уже во второй половине XIX — начале XX в. поселок Михаила Архангела. Сегодня дом 143 по проспекту Обуховской обороны, угол Железнодорожного проспекта — со стороны Невы ничем не примечательное типичное безликое петербургское здание, напоминающее даже о середине XX века. Но если зайти со двора, можно увидеть классицистический портик с колоннами. Да и боковая пристройка явно помнит как минимум первую половину века XIX. Дом в обиходе называли «домом Бирона». В. Я. Курбатов считал его создателем Джакомо Кваренги. Д. Я. Шерих видел в здании остатки усадьбы Муравьевых-Моллеров, что, похоже, самое правильное. В начале XX в. в доме помещался извозщичий двор «Бережки». Эта постройка — единственное, что сейчас связывает здешнюю местность с «муравьевским» прошлым. С «цимбалинским» прошлым, или прошлым поселка Михаила Архангела, соединяет эту местность больше, чем один дом. Это прежде всего краснокирпичные фабрично-заводские здания XIX и начала XX в., которых в Западной Европе уже давно нет. Но ведь скоро не будет и у нас... Перед античным портиком здания по проспекту Обуховской обороны, 143 еще в 30-е гг. этого века стояли изваяния двух сфинксов со стертыми от времени лицами, словно подчеркивая петербургскую загадку описываемой нами местности [16].

Через нее видна жизнь города как анциферовского живого «нечеловеческого существа». Город начинается там, где он кончается: в альфе заключается омега. Мы видим нескончаемую, в отличие от жизни человеческого тела, жизнь, созерцаем нечеловеческую жизненную стихию города. Но ее проводником служит конечный человек, создающий город, несмотря на то, что, в отличие от города он умирает. Получается, что город есть воплощение бесконечного духа конечного человека. О таком духе говорит «Сталкер» Тарковского. Поэтому здешняя атмосфера и отсылает к знаменитому фильму. Этот участок петербургского пространства таит в себе разгадку секрета неумиряющей души города.

Ученик Л. П. Карсавина А. А. Ванеев говорил: «Подлинная непрерывность являет себя через прерыв. Она являет себя, подвергаясь прерыву, который идет до полного конца, завершенность свою имея в том, что заново выявляется непрерывность. Она выявляется не в неподатливости прерыву, а в победе над ним, выявляется заново, но — как всегда бывшая абсолютно, окончательно. Только так непрерывность являет себя во всей силе своей полноты. В этом суть веры в Воскресение» [17]. По законам описанной непрерывности действуют многоуровневое человеческое сознание, всеобщая история и история города. По законам такой непрерывности строится наше мироздание. Возможно я побывал в одном из петербургских локусов в момент описанного Ванеевым «прерыва, который идет до полного конца».

Чистые мартовские солнечные лучи сияют в громадных лужах, натекших из почерневших сугробов рядом со зданием архива на Варфоломеевской. Ибо там, где смерть, — начало жизни. Это и есть христианство. Но это есть и изучение истории на местах, к которому призывал Н. П. Анциферов.

Он писал еще в статье 1928 г. «Краеведный путь в исторической науке»: «Целокупное знание обуславливает необходимость изучать явления в их естественной среде. Для историка-исследователя памятников материальной культуры место и явится в значительной мере “естественной средой”; как ни были велики происшедшие изменения, все же от “среды” нечто останется. Пусть осталось очень мало, но может быть эти остатки окажутся особо ценными для исследователя.

Итак, локальный метод в истории — это не только изучение местной (краевой) истории в ее архивах, это — изучение и тех мест, которые были носителями историко-культурных явлений. *Локальный метод есть изучение истории на местах*» (выделено Н. П. Анциферовым. — А. К.) [18]. Но к такому изучению должны привлекаться, в первую очередь, чувствующие место творческие люди, к каковым принадлежал краевед, экскурсовод и музейный работник Николай Павлович Анциферов.

Во второй половине своей жизни, будучи сотрудником Государственного литературного музея в Москве, Н. П. Анциферов в своих публикациях по музейному делу, к сожалению, встал на путь вынужденного идеологического конформизма с властью. Он призывал создавать музейную экспозицию исходя из марксистского понимания типического и сталинской государственной идеологии, подавляющей индивидуальное на местах. Если же опираться на работы Николая Павловича 20-х гг. (в том числе той эпохи, когда Анциферов преподавал во 2-м Педагогическом) и труды его учителя Лаппо-Данилевского, можно, используя результаты применения локального метода, строить музейную экспозицию так, чтобы она была выражением общего в частном, в индивидуальном.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГА СПб. Ф. 4265. Оп. 1. Д. 248. Л. 28.
2. Историк-медиевист — Лев Платонович Карсавин (1882–1952): Аналитический обзор / АН СССР. ИНИОН. М., 1991. С. 15–27.
3. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 619–620.
4. Подробнее об этом см.: Плотников К. И. К проблеме терминологического аппарата Н. П. Анциферова // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: По материалам международной научной конференции «Первые московские анциферовские чтения» (25–27 сентября 2012 г.) / ИМЛИ РАН. М., 2012. С. 143–147.
5. Московская Д. С. Локально-исторический метод в литературоведении Н. П. Анциферова и русская литература 1920–1930-х гг. (Проблемы взаимосвязи краеведения и художественной литературы): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / ИМЛИ РАН. М., 2011. С. 17.
6. Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская школа. Рязань: П. А. Трибунский, 2004. С. 123.
7. Там же.
8. Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 249.
9. Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. СПб.: Александрия, 2009. С. 433.
10. Там же. С. 434–435.
11. Подробнее, хотя невнятно и искаженно, см. обо всем этом: Московская Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения / ИМЛИ РАН. М., 2010. С. 88–93.

12. Российская историческая мысль: Из эпистолярного наследия Л. П. Карсавина. Письма И. М. Гревсу (1906–1916). Публикация / ИНИОН. М., 1994. С. 26.
13. Там же.
14. Там же. С. 18.
15. *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. С. 162.
16. Исторические сведения по описываемому месту даются по источникам: <http://www.debri-dv.ru/article/1883> <http://oplib.ru/onlineread/297252/> — с учетом изучения истории на месте.
17. *Ванеев А. А.* Два года в Абези: В память о Л. П. Карсавине. Брюссель: Жизнь с Богом, 1990. С. 192.
18. *Анциферов Н. П.* Краеведный путь в исторической науке (историко-культурные ландшафты) // Краеведение. 1928. № 6. С. 322–323.